

Обрыв [Obryv]. 1907

Sankt-Peterburg: ИУ. V. Gol'dberg, 1907

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/XEJ7RL5B7L6U38E>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

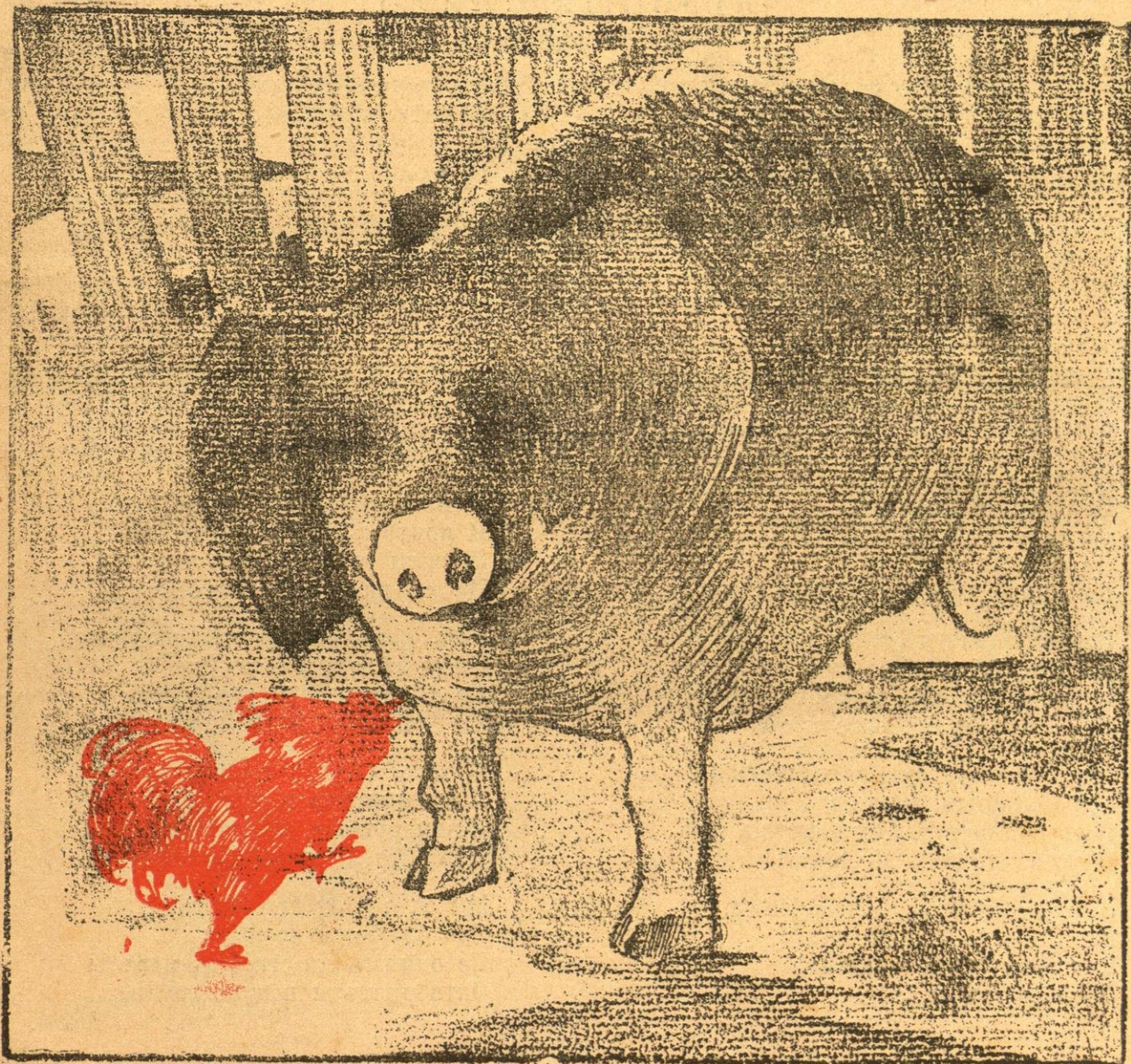
When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

1907.

ОВРЫВЪ

Политико-сатирический и художественный сборникъ.

Цѣна 10 коп.

Міровыя слезы.

изъ Ю. ГОЛЬДБЕРГА.

Что съ тихимъ трепетомъ съ высотъ горитъ почамн,
И призрачно дрожитъ, какъ тайна передъ нами;
Что въ сумракъ небесъ привѣтливо мерцаетъ,
И что иной слѣпецъ за звѣзды принимаетъ,—

Все это жемчугъ слезъ—святыя слезы міра;
Застывшія навѣкъ въ безбрежности ээира.
Ихъ Богъ и ангелы, скорбя въ нѣмой печали,
О горестяхъ людскихъ когда-то проливали.

Ю. Г.

Плачь октябриста.

Всѣ усилія полиціи,
Да поможетъ ей Господь,
Не сумѣли оппозиціи
Въ „Русскомъ сердцѣ“ побороть.

Всюду сыпятся оваціи
На ликующихъ кадетъ,
И мотивовъ для кассациі,
Къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ.

Ужъ не вѣря въ благоденствіе
Одурманенной паствы,
Горько плачетъ духовенствіе
На развалинахъ Москвы.

Всюду шествуя съ оглоблями,
Выпивъ съ горя и тоски,
Патріоты наши воплями
Потрясаютъ кабаки.

Охъ, Москва, Москва великая,
И почто ты сѣла въ грязь?
Неужли крамола дикая
Да къ лицу тебѣ пришлась?

Ужъ какъ только грѣхководники
Силу въ думѣ заберутъ,—
Не спасутъ тебя угодники,
Не поможетъ и Грингмутъ.

Будешь бѣдная ты маяться
Безъ притула и угла...
Люди русскіе, покаяться
Намъ давно пора пришла!

Мы зато вѣдь и наказаны,
Что боролися вразбродъ...
Не однимъ ли муромъ мазаны
Октябристъ и потреотъ!

Альми.

У мирового.

Въ камеру мирового судьи вызванъ за буйство въ трактирѣ, членъ союза русскаго народа, купецъ П гильдіи Судомойкинъ, побившій маркера Семенова за свободомысліе. Судомойкинъ слегка на веселѣ. Нѣсколько человѣкъ свидѣтелей и городской предстали одновременно для дачи показаній.

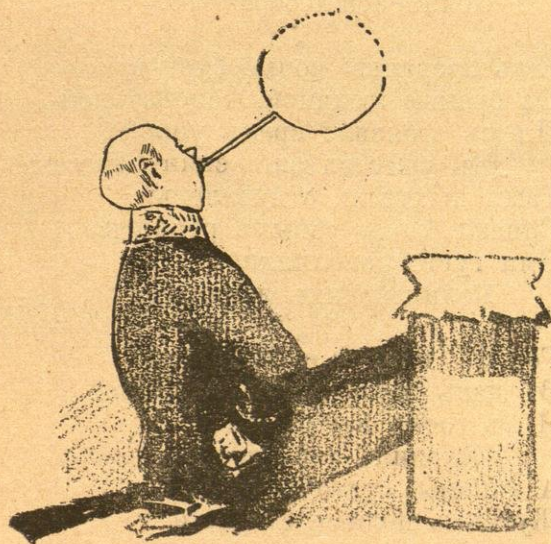
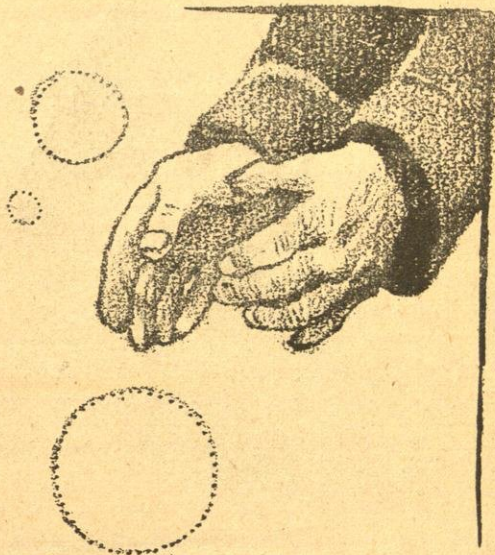
Миров. судья. Илья Ивановъ Судомойкинъ, вы обвиняетесь въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ мѣщанину Павлу Семенову. Признаете себя виновнымъ?

Судомойкинъ. Ни въ жисть. Господинъ мировой судья, дозвольте рассказать по порядку. Играю я, значить, на бильярдѣ, съ Иваномъ Савеличемъ, — мясникъ онъ, рядомъ торгуюмъ. Хорошо. Я, значить, говорю что насупротивъ нашего союза никто выстоять не можетъ, потому мы за Царя и Отечество и ежели, къ примѣру, всѣхъ этихъ самыхъ писателей, да студентовъ, да безработныхъ и прочихъ внутреннихъ враговъ сокрушить—то мы это можемъ за первый сортъ и начисто. Только это я скажи, а маркеръ, значить, стоитъ у стѣнки и повелъ такую рѣчь:— съ Васъ, говоритъ, душегубовъ, да алтынниковъ живьемъ шкуру бы содрать, да перцомъ посыпать. Потомъ сталъ онъ такіе слова говорить, что на тощакъ не вымолвить, вотъ, что нонѣ въ газетахъ пишутъ—мы, говоритъ, вегетаріи и пролетаріи и сознательные и, говоритъ, жертвуйте на вооруженіе, а что говорить на счетъ Царя и Отечества, это говорить никакъ невозможно и ничего этого нѣтъ. Ну, значить, я его и давай кіемъ долбить, потому ежели я членъ союза и за Царя и Отечество—то натурально долженъ бить.

Миров. судья. (прерывая) Садитесь. Павелъ Семеновъ. Угодно вамъ помириться?

I.

ИЗЪ СОЛОМИНКИ.

II.
ВЪ РУКИ.

Пав. Семеновъ. Никакъ невозможно. Не имѣю такого права. Если каждый купецъ начнетъ объ меня кіи ломать, то я, какъ членъ всероссійскаго союза пролетаріевъ, которые...

Миров. судья. (прерывая). Это до дѣла не относится. Садитесь. Свидѣтель старшій дворянинъ Голопузовъ. Что вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Голопузовъ. Ваше Высокоблагородіе! не токмо что бить ихъ надо, этихъ самыхъ пролетаріевъ— а прямо кишки вонъ. Это я вѣрно говорю. Намеднись околоточный говорилъ, что даже награда выйдетъ,—только, говоритъ, души ихъ. А насчетъ Судомойкина—такъ онъ не виноватъ.

Миров. судья. Въ протоколѣ сказано, что Судомойкинъ сломалъ объ Семенова кіи—стало быть виноватъ.

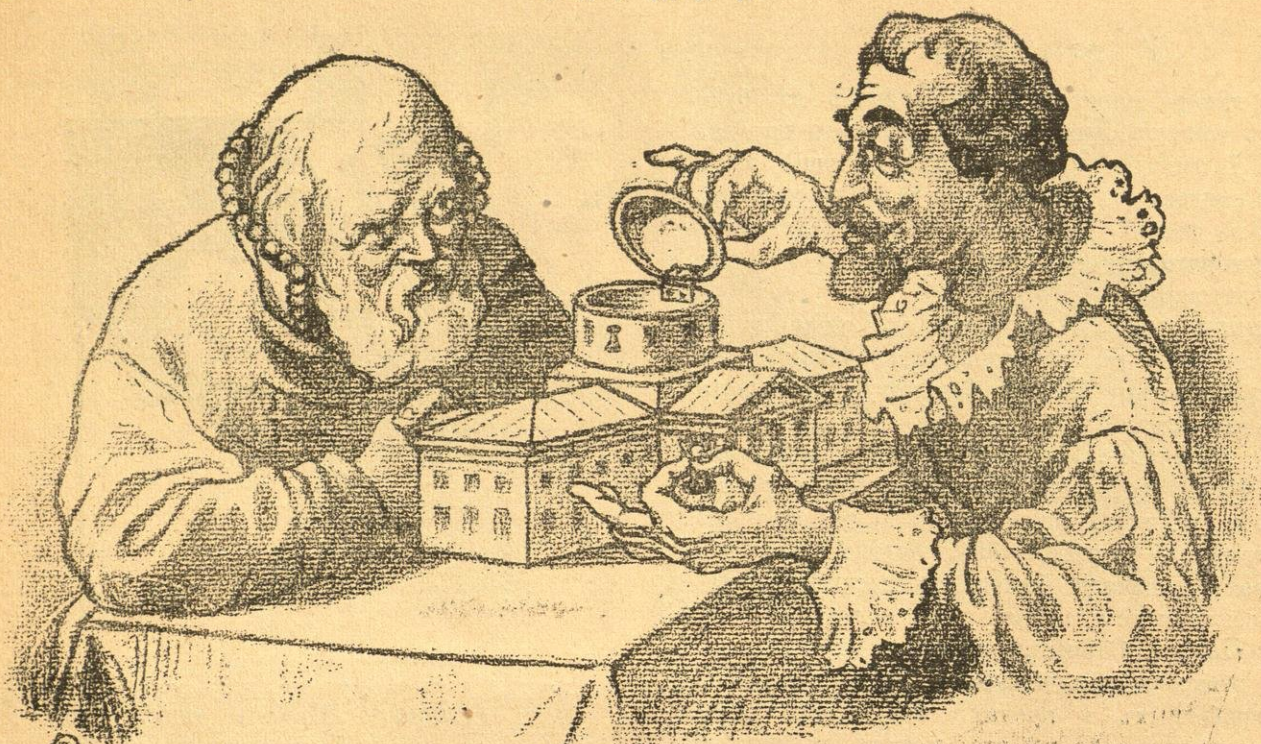
Голопузовъ. Мнѣ доподлинно извѣстно-съ, что этотъ кіи раньше былъ сломанъ и объ того же Семенова, только купецъ другой былъ.

Маркеръ Семеновъ. Г. судья, изволили слышать? Вѣдь купцовъ много и кіевъ много, а я одинъ, притомъ человѣкъ семейный и пролетарій. Прошу поступить по всей строгости основныхъ законовъ.

Миров. судья. (читаетъ приговоръ)... Купецъ Илья Судомойкинъ за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ мѣщанину Семенову приговаривается къ 15 дневному аресту безъ замѣны штрафомъ.

Судомойкинъ. Ваше Высокоблагородіе! Помилуйте, какъ же это такъ! Я можно сказать, за Царя и Отечество, и вдругъ подъ арестъ. Да гдѣ-же это видано?... Кабы зналъ, что безъ замѣны штрафомъ, я бъ объ него всѣ кіи переломалъ...

Наблюдатель.

Заморская игрушка (открывается и закрывается)

Изъ поэмы „Наканунъ“.

Городъ, городъ необъятный!
Въ часъ тревоги, мнѣ понятной,
Я въ тоскѣ невѣроятной
Исходилъ тебя всего;

И сновали, будто тѣни,
Люди, полные смятеній,
Шелестѣли бюллетени,—
Наступало торжество!

* * *

Дамы въ платицѣ ажурномъ,
Тихо вѣромъ пурпурнымъ
Шелестя, спѣшили къ урнамъ,
Гдѣ стоялъ городской;
Мигъ прошелъ—и вдругъ изъ храма
Къмъ-то выведена дама,
Но она кричитъ упрямо,
Развивая вѣеръ свой

* * *

„Я уживчиваго нрава.
Вѣдь парламентъ—не забава:
Избирательное право
Быть всеобщимъ не должно!“.
Приставъ молвилъ: „протестую!
На отвѣтственномъ посту я
И теперь васъ арестую:
Быть въ тюрьмѣ вамъ суждено!“.

* * *

И могучіе казаки,
Ужъ готовые къ атакѣ,
Зашушукались во мракѣ,
Кто-то крикнулъ: „Разъ и Два!“

Но какъ разъ въ минуту эту
Всѣ узнали по секрету,
Что свиданіе кадету
Здѣсь назначила вдова...

* * *

Въ даль поборники рептилій
Даму тотчасъ пропустили,
А костюмъ въ новѣйшемъ стилѣ
Всѣхъ охранниковъ плѣнилъ.
День безмысленныхъ мечтаній,
Мигъ терзаній, мигъ исканій—
Въ день обыденный свиданій
Полицейскій обратилъ.

* * *

Есть преданье: ночью бурной
Съ бранью желчной, нецензурной
Днемъ стоявшіе предъ урной
Въ урну влѣзли, снявъ кресты;
Тамъ пыхтѣли, отдувались;
Списки блока лѣвыхъ рвались:
Ими густо наполнялись
Полицейскихъ животы...

* * *

Городъ, городъ необъятный!
Въ часъ тревоги, мнѣ понятной
Я въ тоскѣ невѣроятной
Исходилъ тебя всего.
А шпіоны, будто тѣни,
Жуткихъ полные смятеній,
Разрывали бюллетени—
Приближалось торжество!

Андрей Синій.

Рашникъ.

Эй, честные господа, собирайтесь всё сюда!
Вали народъ—въ одинъ хороводъ!
Покажу всякаго жита по лопатѣ, есть и
свиньи въ халатѣ.
Потѣшайся старь да младъ—я за пятакъ
всякому радъ.
Кто не платить, проваливай.—

Вотъ на видномъ мѣстѣ — сидитъ нашъ
Гурко въ креслѣ,
Пригорюнился видно, — ужъ больно ему
обидно.
Хотѣлось отличиться, — анъ пришлось безъ
чиновъ удалиться.
А рядомъ Фредериксъ баронъ — насчетъ при-
тоновъ силенъ,
Ему въ Парижъ деньги перевели — а наши
газеты дѣло-то и расплели.
А вотъ и весь кабинетъ — что ни баринъ, то
портретъ;
Всѣ свои дѣла налаживаютъ — а голодныхъ
за дверь выпроваживаютъ,
Имъ охота на мѣстѣ остаться — да при-
дется думушкѣ сдаться.
И плануютъ, какимъ бы манеромъ — она не
досталась эсъ-эрамъ;
А эсъ-эры ухмыляются — до министровъ
давно добираются.
А рядомъ кадеты трусоватые — у нихъ души
полосатыя.
А вотъ охрана чрезвычайная — при ней союза
русского народа чайная
И бесплатныя народныя чтенія — на манеръ
наставленія, —
Для малыхъ дѣтишекъ — чтобъ не портили
штанишекъ.
А вотъ богачи — жрутъ съ утра да разговари-
ваютъ въ телефонъ,
А у безработныхъ людей — давно душа вонъ!
А вотъ Грингмутъ, Суворинъ, при нихъ
докторъ Дубровинъ.
Сцѣпились вмѣстѣ, кричатъ благимъ матомъ,
Возглашаютъ алаеому всѣмъ лѣвымъ супо-
статамъ.
Ну, народъ честной — отчаливай,
Кто на новую — еще пятакъ приваливай.

Грибъ.

C R E S C E N D O.

(Новѣйшая химія).

П. П. П.

На головѣ картузъ, а самъ онъ въ толстой шкурѣ;
Лба нѣтъ совѣтъ; съ деньгой, дружить съ го-
родовымъ,
Онъ малограмотенъ; женатъ на толстой дурѣ,
Въ союзѣ числится съ порядкомъ правовымъ.

C. P. H.

На немъ „спинжакъ“ — для важности очки, —
Лицомъ „русака“, кулакъ — его свобода.
Ужасно любитъ шумъ, хоругви и значки,
Принадлежитъ къ союзу русскаго народа.

17. O. K. T.

Съ улыбкой лстивой и во всемъ умѣренъ,
Чиновникъ родомъ и большой службистъ,
Въ перчаткахъ онъ; всегда въ себѣ увѣренъ,
По убѣжденьямъ онъ—чистѣйшій монархистъ.

II. M. O.

Какъ черепки горшка разбитаго, пустого,
У октябристовъ вдругъ явились отщепенцы
И, объявивъ себя какъ партія, хотя бѣи безъ Гучкова,
На свѣтъ явились—мирно-обновленцы.

К. Д.

Съ походкой быстрой и вертлявой,
Большой болтунъ и мнимый землеѣдъ,
Онъ прячетъ ордена, а рѣчью шепелявой
Всѣхъ хочетъ убѣдить, что онъ давно кадетъ.

С. Д.

Лассаль и Марксъ его завѣтные кумиры,
И онъ буржуевъ яростно громить,
Въ своей рукѣ онъ держитъ бичъ сатиры:
Вѣдь въ немъ душа—эсъ-дека говорить,

C. P.

Съ лицомъ отважнымъ, яснымъ взоромъ,
Исполненный благихъ химеръ,
Клеймить все ветхое, покрытое позоромъ.
Такимъ порой намъ кажется эсъ-эртъ.

ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ НЕВОИНЪ.

Единомышленники.

Петръ Аѳанасьевичъ, раскраснѣвшійся отъ вина и отъ не въ мѣру сытнаго обѣда, отстегнулъ подъ салфеткой двѣ нижнія пуговицы жилета, вытянулъ подъ столомъ ноги, закурилъ сигару и принялся читать „Новое Время“.

Напротивъ него сидѣлъ щегольски одѣтый господинъ лѣтъ тридцати и медленно истреблялъ подаваемые ему лакеемъ блюда.

Петръ Аѳанасьевичъ бѣгло просмотрѣлъ телеграммы и принялся читать статью Меньшикова.

Толстое, заплывшее жиромъ лицо его блестѣло отъ удовольствія.

Посоловѣлше глаза его расширились.

Онъ дышалъ и сопѣлъ съ передышкой.

Кончивъ читать — онъ отложилъ въ сторону газету, поводитъ плечами и преговорилъ вслухъ:

— Ловко пишетъ, шельмецъ!

Визави его поднялъ голову, взглянулъ въ его сторону и спросилъ:

— Это вы—о комъ-съ?

— Да вотъ въ газетѣ Меньшиковъ, — здорово пишетъ!

— Ну, конечно. Этотъ можетъ. Его японцы и жида не подкупать-съ.

— Это вы резонно. Не подкупать. Вотъ онъ тутъ о кадетахъ написалъ. По нашему, по русски. Какіе тамъ кадеты!—жида, и все.

— Знаете,—говорилъ медленно растягивая слова визави Петра Аѳанасьевича. — Я удивляюсь, какъ это наше правительство ихъ терпитъ до сихъ поръ. Повѣсили бы сразу всѣхъ революціонеровъ, кадетовъ и жидовъ. И дѣлу конецъ. Развѣ у насъ революція? Просто жида хотѣтъ устроить хорошій гешефтъ. У меня въ Тульской губерніи земля есть.—Продайте все поскорѣе—говорятъ мнѣ всѣ. — Пойдутъ опять бунты и все отымутъ, сожгутъ. А я плюю на бунты, на революцію. Да-съ, плюю! Пусть-ка они—эти красивые поговорятъ теперь во второй Думѣ. Имъ покажутъ... Присмирѣютъ,—не безпокойтесь.

Петръ Аѳанасьевичъ млѣлъ отъ удовольствія, слушая такія, умныя рѣчи, и бормоталъ: — резонно! вѣрно! правильно!

Визави его вытеръ салфеткой губы, закурилъ папиросу и подсѣвъ ближе къ нему, продолжалъ въ томъ же духѣ развивать свои мысли.

Когда они вмѣстѣ одѣвались въ передней, онъ еще долго говорилъ Петру Аѳанасьевичу о томъ, что мало еще вѣшаютъ этихъ бунтовщиковъ, мало бьютъ евреевъ.

— Выселить ихъ нужно—говорилъ онъ, трогая пуговицу скюртука Петра Аѳанасьевича.

— Не нравится,—убирайтесь по добру, по здорову!

Выйдя изъ ресторана, они сердечно пожали другъ другу руки и разошлись.

Черезъ полчаса послѣ этого Петръ Аѳанасьевичъ, усѣвшись за конторку въ своей лавкѣ, полѣзъ въ карманъ за бумажникомъ.

Но вмѣсто кармана онъ ощупалъ дыру въ скюртукѣ своемъ.

Карманъ вмѣстѣ съ бумажникомъ былъ вырѣзанъ его славнымъ единомышленникомъ.

Ознь.

Троянскій Конь.

„Они“ народу дать согласны
Все,—но „основъ“, „основъ“ не тронь...

А намъ „основы“ лишь опасны,
Какъ Троѣ деревянный конь.

„Они“ зовутъ страну къ покою,
Насъ обѣщаньями маня...

Неужто впустимъ въ нашу Трою
Мы деревянаго коня?

Нѣтъ, вновь повѣрить мы не смѣемъ

Бюрократической веснѣ:—

Врага вчерашняго сумѣемъ

Найти въ предательскомъ конѣ.

Хмурый.

Провинція.

Кишиневъ. Да здравствуютъ покойники!

Вотъ истинные патріоты.

Они молчали и не протестовали, когда за нихъ подавались избирательные бюллетени съ черносотенными выборщиками.

Вильна. Какая щепетильность! Въ избирательную комиссію явилось постороннее лицо. Оно только разорвало одинъ бюллетень прогрессивнаго избирателя.

И сколько шуму изъ-за этого?

Ялта. Полковникъ Думбадзе презираетъ „товарищей“.

Онъ высылаетъ ихъ, высылаетъ ихъ близкихъ, родныхъ.

Онъ высылаетъ всѣхъ тѣхъ, кто проходитъ мимо „товарищей“.

Онъ закрываетъ магазины, рестораны, пивныя, гдѣ бывають „товарищи“.

Онъ наглухо заколачиваетъ двери домовъ, въ которыхъ когда-либо жили „товарищи“.

Благоденствіе и покой царятъ въ городѣ.

Но отъ этого покоя бѣгутъ безъ оглядки всѣ, кто попадетъ туда.

Екатеринославъ. Залъ Екатеринославскаго суда временно превратился въ клубъ редакторовъ.

Для пріятнаго препровожденія времени приглашены судьи.

Судьи дѣйствительно рассказываютъ очень пикантныя исторіи.

Даже дрожь пробѣгаетъ по спинамъ редакторовъ.

Дюнь.

Семейныя радости.

(Картинка съ натуры).

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, какъ поживаете? Да что съ вами? Вы какъ будто похудѣли? И видъ у васъ утомленный.

— Развѣ? А что похудѣлъ, такъ это возможно. Такъ, знаете-ли, въ послѣднее время, какъ то не по себѣ. Разныя непріятности, да всѣ эти событія...

— Про событія что говорить—событій не оберешься. Ну, а какъ вашъ братецъ, Петръ Ивановичъ, все редакторствуетъ?

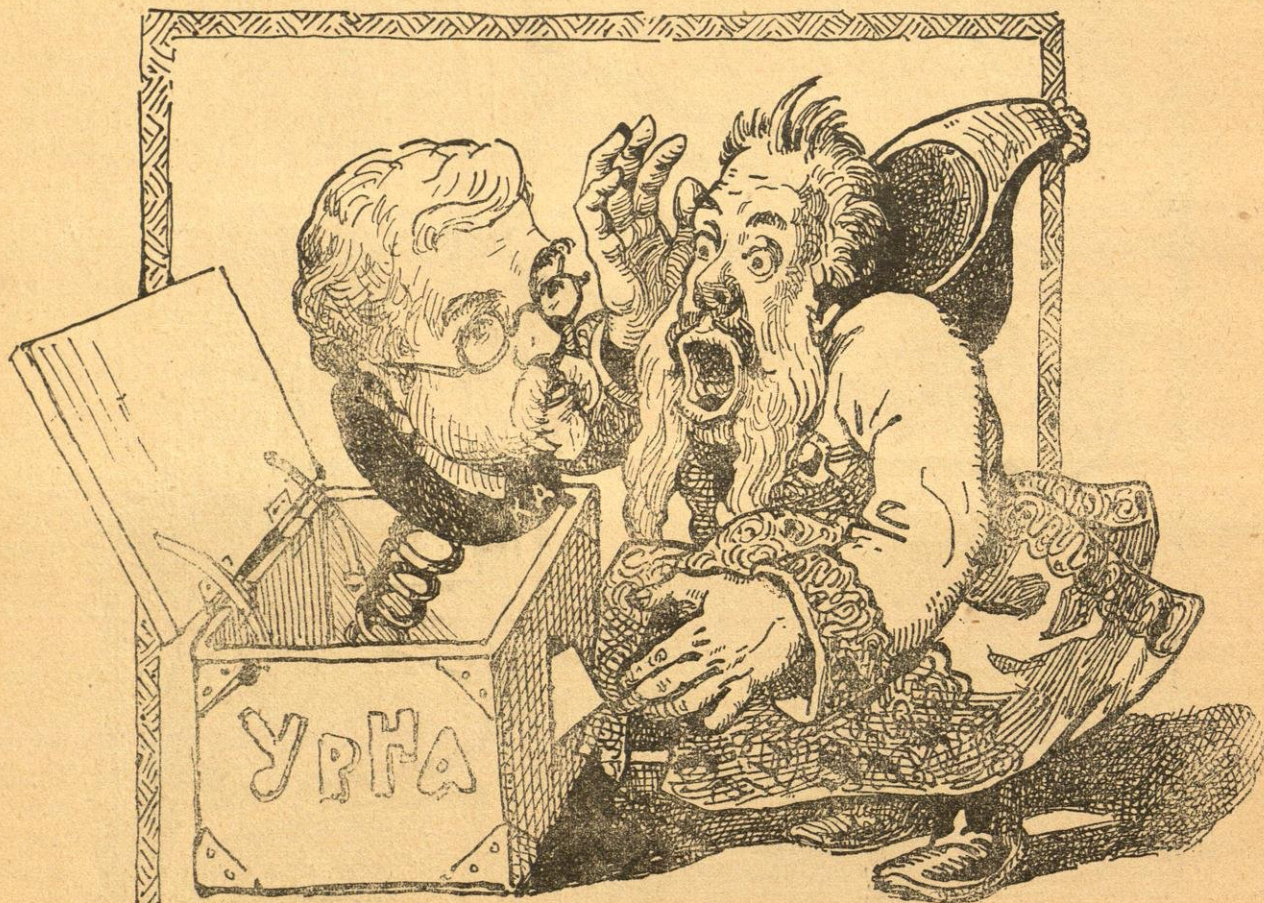
— Какое тамъ. По 129-й давно въ крѣпости.

— А за что, неизвѣстно?

— Нѣтъ извѣстно. Написалъ статью въ своей газетѣ и озаглавилъ: „Не кабинетъ, — а винигреть“, ну и посадили.

— Жаль. А здоровье супруги вашей?

— Какой супруги? Да вы развѣ не слышали? Про нее и въ газетахъ было. Въ Фонарномъ переулкѣ, во время экспроприаціи, неизвѣстную женщину, по ошибкѣ, убили, такъ вотъ это и была

Февральскій сюрпризъ

жена моя, Елена Ивановна.

— Скажите, какое несчастье. Ну, а дѣтки какъ?

— Какіе тамъ дѣтки! Можно подумать, что вы съ луны свалились. Да вы газеты-то читаете? Старшій сынъ въ Якутской области, — у него нашли двѣ прокламаціи: — дочь Сашенька въ Крестахъ, — она на голодающихъ собирала, — а Васю — младшаго, гимназиста, выслали на два года изъ столицы, — онъ швейцару нагрубилъ. Такъ всю семью и раскассировали.

— Ужасно, ужасно!! Но, надѣюсь, племянница ваша. Наденька, по крайней мѣрѣ, здорова, и живетъ съ вами?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Она уже два мѣсяца, какъ пропала безъ вѣсти. Говорятъ — повѣсили, но точно сказать не могу... А пока что до свиданія, тороплюсь...

— Одну минуточку. Живете все тамъ же, въ своемъ домѣ?

— Какое — тамъ, въ домѣ! Домъ давно конфискованъ. Я, сдуру, въ одну газету про свои семейныя радости статью написалъ, — вотъ меня за печатное выраженіе сочувствія къ своей собственной семьѣ, по новому закону, и оштрафовали на 3000 р. — а денегъ не было — ну, домъ и отобрали. Такъ-то-сь. Ну-сь, послѣ всего этого, я, дѣйствительно, началъ худѣть... Nemo.

Для торжества идеи.

Откровенное признаніе одного изъ многихъ.

Когда мнѣ было 16 лѣтъ, мнѣ впервые попалась прокламація эсъ-дековъ. Я зачиталъ ее до дыръ, носилъ ее всегда у сердца и рѣшилъ посвятить всю мою жизнь угнетенному классу.

Я началъ съ нашего кучера Ивана, сторожа Петра и горничной Машутки.

Иванъ и Петръ быстро поддавались пропагандѣ.

Они все говорили: —Вѣрное дѣло... Не вѣкъ паны будутъ. Выпейте съ нами. —И я напивался до положенія ризъ въ жертву идеѣ.

Съ Машуткой дѣло обстоило сложнѣе. Въ самый сильный моментъ моей пламенной рѣчи она прижималась ко мнѣ и щипала меня за подбородокъ.

Я долго боролся... но въ концѣ концовъ для торжества идеи сталъ ночевать въ ея комнатѣ.

Когда мнѣ было 20 лѣтъ, я слышалъ на одномъ собраніи страстную рѣчь товарища Анюты, которая была эсъ-эркою, и все существо мое возгорѣлось желаньемъ метать бомбы, стрѣлять, выслѣживать враговъ народа.

Я сошелся ближе съ товарищемъ Анютой,

говорилъ ей о своемъ желаніи.

Она долго не давала мнѣ прямыхъ указаній какъ дѣйствовать. И однажды вечеромъ, когда мы сидѣли съ ней въ ея комнатѣ, —она сѣла подлѣ меня, стала обнимать меня...

Черезъ недѣлю я женился на ней... для торжества идеи.

Когда мнѣ было сорокъ лѣтъ, я познакомился съ однимъ профессоромъ -кадетомъ, у котораго была красавица -жена. Я долго не рѣшался поблѣднѣть въ своей политической фizioноміи. Но жена кадета была такъ обворожительно-прекрасна. Я сталъ кадетомъ и сошелся съ профессоромъ во всемъ...

У насъ были однѣ и тѣ же мысли, одни и тѣ же взгляды... одна и та же....

Все, конечно, для торжества идеи.

Мнѣ теперь пятьдесятъ лѣтъ.

Просыпаясь ежедневно—я молю Бога не дать мнѣ свихнуться... не стать октябристомъ или еще правѣе.

Харлампій Чернякинъ.

Изъ новыхъ пѣсень.

ИЗМѢНА.

На мотивъ: Нигдѣ милаго не вижу.

Нигдѣ *праваго* не вижу,
Ни въ деревнѣ, ни въ Москвѣ;—
Но я лѣвыхъ ненавижу,
Я вѣрна, мой другъ, тебѣ.
Одного тебя любила,—
Одного тебя люблю;—
Не страшить меня могила,—
На портретъ твой я гляжу.
Наши вѣдь еще Эстеры,
Лидваль, Гурко,—весь букетъ;
Мнѣ не страшны ни эсъ-эры,
Ни эсъ-деки, ни ка-детъ.
Гляну, гляну какъ на шутку
И закрою я лицо;—
Передамъ сестрѣ малютку,
Сама выйду на крыльцо.
Вышла, вышла на крылечко,
Но мой милый не идетъ;
Потеряла я колечко,
Съ нимъ прощаясь у воротъ.
Измѣнилъ—перемѣнился,—
Побѣдилъ союзъ нашъ—блокъ;—
На другой теперь женился
Милый, дорогой дружокъ.
Другъ женился,—злымъ угрюмо
Смотритъ на меня эсъ-декъ,
Буду ждать я,—знаю: Дума,
Дума лѣвыхъ,— не навѣкъ.

Чего же еще?

Положеніе чрезвычайное,—
И финансы благодатные,
Воровство необычайное,
Милосердіе необъятное.
Положеніе—все военное,
Избавленья все чудесныя,
Аппетиты—здоровенные,
А сановники—все честные.
И законы всѣ гуманные,
Основные и мудрѣйшіе.
Горизонты—лишь туманные,
Положеніе всѣхъ—глупѣйшее!

Виръ.

Изъ Казимира Тетмайера.

мысль. (Съ польскаго).

Надломлены крылья у мысли. Захочетъ
Вспорхнуть въ поднебесье, горда и вольна,—
Напрасно! И крылья по грязи волочить,
Какъ птица усталая, снова она.
Вотъ съ мѣста сорвется, печальная, съ
кликомъ,

Чтобъ въ чистыя сферы направить полетъ.
Тамъ щедрое солнце въ сіяньѣ великомъ,
Тамъ тучи бушуютъ въ веселіи дикомъ...
Напрасно!—безъ силы опять упадетъ.
И падаетъ грудью на скалы, на выступъ.
Кровь льется изъ ранъ ея. Но и тогда
Готова она на свой дерзостный приступъ,
Чтобъ снова упасть. И такъ будетъ всегда.

Хмр.

Издательство „Распространитель“.

Пушкинская 19, кв. 17.) (Телефонъ № 51—82.

ГАЗЕТЫ:

„ИЗВѢСТІЯ СОВѢТА БЕЗРАБОТНЫХЪ ЮМОРИСТОВЪ“,
„САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“.

Цѣна отдѣльному выпуску 5 коп.

ЖУРНАЛЫ:

НОЧЬ, РАПИРА, ЕЖЬ, КОМЕТА, ВОДОЛАЗЪ,
МАЛЕНЬКІЙ ЖУРНАЛЪ, НАКАНУНЪ и БУКСИРЬ.

Цѣна 6 коп., 8 коп., 10 коп., и 15 коп.

БРОШЮРЫ:

М. Я. ГЕРЦЕНШТЕЙНЪ, съ портретомъ. Цѣна 10 коп.
ДЕНЬ ГНѢВА, Рыделя, 15 коп.

ПАРЛАМЕНТЪ НАСѢКОМЫХЪ Ю. В. ГОЛЬДБЕРГА. Цѣна 15 коп.

Принимаются къ изданію всякаго рода сочиненія на выгодныхъ
условіяхъ.